

**ОТБОР НЕВЕЕСТ
ДЛЯ ДРАКОНЬЕГО
ПРИНЦА:
провести и не влюбиться**

ЛАРИСА ПЕТРОВИЧЕВА

Лариса Петровичева

**Отбор невест для драконьего
принца: провести и не влюбиться**

«Автор»

2023

Петровичева Л.

Отбор невест для драконьего принца: провести и не влюбиться /
Л. Петровичева — «Автор», 2023

Каждая девушка королевства хочет победить в отборе невест для драконьего принца. А мне и моей лучшей подруге предстоит организовать и провести этот отбор. И самое сложное здесь не в том, чтобы вовремя пригласить гостей, пошить лучшие платья, спасти девушек от виверны, убежать от упыря и придумать заковыристые конкурсы. Самое сложное - не влюбиться!

© Петровичева Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лариса Петровичева

Отбор невест для драконьего принца: провести и не влюбиться

Глава 1

Нашего с Петровой кота официально зовут Бекон, а неофициально – Паразит. Это из-за него, вообще-то, все и началось.

Тот день был самым обычным летним днем в провинциальном городишке – солнечно, немного пыльно и очень скучно. Возле соседнего забора рылась свинья, во всех палисадниках цвели ромашки, стрижи голосили так, что в ушах звенело. Вчера прошла свадьба дочери почтмейстера, прошла очень хорошо, несмотря на драку и выбитые стекла на почте, и мы с Петровой были невероятно довольны. Почтмейстер рассчитался с нами наличными, и мы проводили утро, сидя на скамеечке перед нашей конторой и высчитывая, кому и сколько долгов нужно раздать.

Перспективы были самыми радужными. Наша контора «Петрова и Эленден, организация мероприятий» процветала: после раздачи долгов у нас оставалось достаточно денег, чтобы еще полгода не думать о счетах.

Тем временем Бекон притворялся сиротой возле мясной лавки – а когда Бекон притворяется сиротой, то это зрелище способно разбить сердце любому неподготовленному человеку. Он делает такое горестное лицо, что смотреть на него просто невозможно – рука сама тянется к кошельку, и вместе с кошельком жертва идет к витрине с мясом.

Потом Бекон обжирается, сидя на тротуаре, а мы с Петровой хохочем над зрелищем.

Вот и сегодня все было как всегда – но вдруг перед мясной лавкой остановился мобиль. Новенький, сверкающий, похожий на хищного зверя – а мы с Петровой сделались похожи на дур, потому что поняли, кто именно приехал.

Эжен Со-Мин, принц из драконьей династии. Только у него в нашем городе был такой мобиль – остальные ездили по-простому, в экипажах.

Мы еще не встречались с ним, потому что зачем бы принцу заглядывать в наш район? Но мы отлично знали, что Эжена сюда сослал отец, чтобы в семье не дошло дело до убийства – его высочество славился по всему королевству тем, что не пропустил ни одной юбки. На его беду, ему понравилась юбка жены его старшего брата, наследника престола. Казалось бы, что нового он хотел там увидеть, при его-то богатом жизненном опыте? В общем, все кончилось тем, что старший брат и наследник едва не сжег Эжена над заливом – тогда король приказал младшенькому собирать вещи и бежать. И сидеть в южной провинции, не высовывая носа за пределы города.

Такая вот почетная ссылка.

Конечно, наш маленький Тансворт загудел. Красавицы делали прически и полировали ногти, некрасавицы готовились поразить принца умной беседой, а мы с Петровой готовили очередной цеховой праздник, на этот раз у цеха мыловаров, и не лезли со своими рылами в калашный ряд.

Мы с Петровой потомственные попаданки. Наши матери угодили в королевство Занвер после того, как их едва не сбила машина на пешеходном переходе возле университета. Никто не знает, что случилось потом, но они очнулись уже в Занвере – дороги назад не было, и они решили жить и устраиваться.

В итоге устроились хорошо. Мать Петровой вышла замуж за орка, и Петрова всем пошла в папу – и лицом, и фигурой, и способностью не пьянеть после трех пинт темного пива. Моя мама стала женой эльфа, но я не взяла от отца ни красоты, ни длинных золотых волос, ни ума. Все кончилось тем, что наши родители дружно сказали, что нам надо учиться и находить профессию, которая прокормит – на успешное замужество в нашем случае рассчитывать не стоило. Моя мама говорила прямо:

– Лана, ты хорошая девушка, но лицо у тебя как у репки, уж прости.

Что прощать, я никогда не обижалась на правду и видела себя в зеркало. Петрова, которая была похожа не просто на репку, но на зеленую репку, понимающе кивала:

– Лан, это правда. Надо работать и капиталы наживать. Мужья в нашем с тобой случае это нереальная вещь, ну разве что слепых где-то найдем, но на это лучше не надеяться.

На том и порешили.

Итак, мобиль остановился перед мясной лавкой, из него вышел принц Эжен, и мы с Петровой как-то сразу забыли, как надо дышать. Вот представьте себе самого красивого мужчину, которого вы только видели, умножьте на десять и получится ровно половина того очарования, которое наполняло Эжена. Он был красавец. Темные волнистые волосы, синие глаза с энергичным блеском, светлая кожа, острые скулы и четко очерченные губы – мы с Петровой смотрели на него и, в общем-то, не удивлялись тому, что ни одна женщина не могла бы устоять перед принцем. С его красотой, обаянием, властностью... ох, ладно. Незачем мечтать о том, что никогда не сбудется.

Эжен сделал несколько шагов по тротуару, и тут ему попался наш Бекон.

Он сразу же сделался несчастным, пустил в глаза слезу и тоненько мявкнул, всем своим видом показывая, как тяжело ему по улицам скитаться, не имея родного угла. Все это было достаточно комично, с учетом того, что за годы своих представлений перед мясной лавкой Бекон наел такую физиономию, что не всякая газета прикроет. Он вообще был упитанным, гладким, ходил величаво и важно – но когда Бекон принимался смотреть в глаза и умолять о корочке хлеба, перед ним открывались все двери и кошельки.

– Сдастся, – сказала Петрова.

– Да, – согласилась я. – Две котлеты купит.

– Три. Я слышала, что он щедрый.

Разумеется, сердце Эжена растаяло – он и правда был добр. Принц нагнулся, подхватил котика и подошел к витрине лавки. Мы услышали, как он щедро предложил:

– Кушать хочешь, маленький? Ну выбирай, что тебе купить?

– Ой, не верьте ему, ваш-высочество! – Анна, хозяйка лавки, высунулась из окошка, и мы с Петровой дружно показали ей кулаки. Несмотря на то, что Бекон приносил ее заведению приличный доход, она терпеть не могла и кота, и нас. – Он за сегодня уже третью котлету сжирает, паразит! А вон и его хозяйки сидят, рожи вам корчат!

Принц обернулся на нас с Петровой, и мы снова забыли, как дышать. Потому что когда на тебя смотрит дракон, то ты чувствуешь себя так, словно качаешься на волнах теплого моря – и это настолько сладко, что голова так и кружится.

– Смотри-ка, Эжен! – из мобиля вышел еще один дракон, господин Берг. Мы уже видели его раньше. Он был другом принца и разделил с ним эту ссылку, и сейчас я подумала, что рядом с принцем Берг выглядит, словно цыпленок, который стоит возле орла. – Это контора по организации праздников!

Не выпуская Бекона, принц перешел дорогу и, подойдя к нашей конторе, прищурился на вывеску. Мы с Петровой поднялись со скамьи и вытянулись в струнку, и я услышала, как над нашими головами зазвенели золотые монеты.

– Петрова и Эленден, организация мероприятий, – прочел Эжен. – Корпоративные праздники, дни рождения, оригинальные похороны... свадьбы! О, девушки! Это ваша контора?

Петрова от изумления могла только открывать и раскрывать рот, так что я взяла дело в свои руки и ответила:

– Да, ваше высочество. Я Лана Эленден, она Амин Петрова. Чем мы можем вам помочь?

Принц одарил нас той ослепительной улыбкой, от которой в коленях поселяется дрожь, и ответил:

– Я женюсь!

Берт посмотрел на Эжена так, словно принц заболел и бредил.

– Может, не стоит вот так? – спросил он. – Я думал, мы устроим праздник на твой день рождения, а не отбор невест. Его величество не одобрит...

– А мне плевать! – весело ответил принц, глядя Бекона. Кот понял, что это не тот человек, которого можно закогтить до костей за нерасторопность при покупке еды, и притворился спящим. – Отец хочет, чтобы я женился? Хочет. Так кто я такой, чтобы противостоять воле государя? И клянусь когтем Прадракона, это будет отбор невест и свадьба по всем традициям и канонам.

Мы с Петровой переглянулись – и почувствовали себя пешками в игре, о которой понятия не имеем. Принц Эжен хочет жениться? В Тансворте будет отбор невест для драконьего принца?

Кажется, земля куда-то поползла у меня из-под ног.

– Простите, ваше высочество, – подала голос я, и принц посмотрел так, словно заговорила забавная зверушка. – Вы хотите, чтобы мы организовали вашу свадьбу?

Петрова толкнула меня в бок. Бесчисленные браслеты, которые украшали ее руки по орочьей моде, тревожно зазвенели.

– Да! – с прежним весельем ответил принц. – Вы уже устраивали свадьбы, девушки?

– Разумеется! – воскликнула Петрова. – Вот вчера выдали замуж дочку почтмейстера, и все остались довольны. Правда, драка была, но без драки, сами понимаете, никакая свадьба не заладится...

Петрова разволновалась так, что ее понесло. Теперь уже я толкнула ее, чтобы заставить замолчать, и добавила:

– Все свадьбы в нашем городе за последние пять лет устроены нами, ваше высочество. Ни одного развода, на минуточку! Правда, отбора невест для драконов еще не было, потому что у нас драконов не было, пока вы не приехали, но всегда надо с чего-то начинать, правда?

Теперь и меня понесло хлеще Петровой. Принц дружески погладил меня по плечу – от его прикосновения у меня снова поселилась слабость в ногах – и спросил:

– Вы эльфийка, верно?

– Верно, – ответила я, от восторженного волнения не слыша своего голоса. – Папа у меня эльф.

– Я это увидел в благородных чертах вашего лица, Лана, – серьезно ответил Эжен. – А вы, дорогая Амин? В вас так и дышит сила и достоинство орочьего народа.

Петрова покраснела и опустила глаза. Когда вы ростом под два метра, весите около двух центнеров, и у вас клыки, то говорить вам комплименты может только слепой. Казалось, моя подруга готова разреветься от радости.

– Да, я орчанка по отцу, ваше высочество, – едва слышно прошелестела она, и принц воскликнул:

– Это же замечательно, Берт! В моей свадьбе будут задействованы все свободные народы королевства, как и требует обычай. Я женюсь на уроженке той земли, куда отец меня отправил – как и велит традиция. Если бы он оставил меня в столице, то я бы выбирал из столичных барышень, а так...

– Под-подождите, ваше высочество, – перебила его я и от волнения даже стала заикаться. – Вы хотите жениться на девушке из Тансворта?

Одна из городских куриц, у которой в голове только наряды и любовные романчики, выйдет замуж за драконьего принца? Невероятно! Бекон приоткрыл глаза и муркнул, словно хотел сказать: видела? Это все благодаря мне!

– Разумеется, дорогая Лана, – ответил Эжен, погладил меня по плечу и, пожав руку Петровой, спросил: – Вы согласны, милые леди? Я очень щедро вам заплачу, не сомневайтесь.

Еще бы мы были не согласны! Мы с Петровой закивали так энергично, что у меня заболела шея. Принц одарил нас ослепительной улыбкой, осторожно опустил Бекона на землю и обернулся к Берту.

– Тогда будь другом, расскажи обо всем, что нужно для отбора? Я поеду, у меня скоро обед с бургомистром.

На том и распрощались. Когда мобиль уехал, то Берт некоторое время стоял просто так, сунув руки в карманы узких щегольских брюк, а затем произнес сухо и официально:

– Давайте пройдем в контору, дамы.

Мы подчинились, радуясь, что вчера вечером заказали уборку. Сейчас у нас действительно все сияло. Никаких торчащих афишек, никаких забракованных приглашений, все аккуратно сложено в стопочки, окна протерты, и на столах ни пылинки. Берт задумчиво окинул взглядом наш большой кабинет, задержался на афише с циркачкой Эммой Голубкой, которая гастролировала на юге с нашей поддержкой, и вздохнул:

– Да... не столица.

Петрова прошла к своему рабочему столу, села и таким же сухим тоном ответила:

– Не столица, да. Но живем. Можно говорить откровенно?

Берт провел ладонью по стулу, скептически оценил его чистоту и только после этого сел. Я подумала, что Петрова права, когда так угрюмо смотрит на принцева приятеля.

– Разумеется, Амин. Говорите.

– Я не очень-то рада этой затее, – сказала Петрова. – Принц Эжен хочет насолить отцу, это сразу видно. А мой отец всегда мне говорил, что в замыслах королей всегда теряют голову именно пешки.

Я согласно кивнула, с деловитым видом перекидывая исписанные блокноты на своем столе. За что я любила Петрову, так это за то, что она никогда не теряла головы и твердо стояла на земле обеими ногами – даже когда ей пожимал руку драконий принц со всей бездной своего очарования.

– Король ничего не сделает сыну, даже если сын решил подложить ему свинью, – поддержала я. – А что насчет нас? Мы опасаемся, что его величество разозлится – и эта злоба выльется нам на головы.

Берт посмотрел на нас совсем по-другому. Если раньше в его взгляде была усталость от деревенских дур, то теперь было ясно, что он оценил нас по достоинству. Да, мы живем в пыльном провинциальном городе и похожи на репы, белую и зеленую, но мы были далеко не дуры – и с этим следовало считаться.

– Логично, – согласился Берт и вздохнул: – Я ведь не могу поссориться с Эженом, вы понимаете. Мы оба в определенном смысле ссыльные и лучше нам держаться друг за друга так, как это делаете вы. Давайте решим так: в договоре прописываем страховку вашей организации от «стороннего воздействия». Вы работаете, делаете все наилучшим образом – но если случится... некая неприятность, то вам ее полностью компенсируют.

Мы с Петровой кивнули.

– Сколько вы платите? – спросила я.

– Пять тысяч золотых крон, – ответил Берт, и я едва не присвистнула. Сумма была колоссальная: если нам ее в самом деле выплатят, то мы с Петровой никогда и ни в чем не будем знать нужды.

– Отлично, – согласилась я, стараясь не показывать всю величину своего ликования. – Давайте работать.

Берт говорил четверть часа, мы с Петровой взяли новые блокноты и, записывая за ним, переглядывались и понимали: нам конец. Зря мы в это лезем. Надо было сказать, что мы сроду не вели никаких свадеб. Мало ли, что написано на вывеске? У столяра на мастерской тоже слово написано, а внутри только деревянные лежат.

– По традиции, объявление об отборе драконьих невест приносят птицы, – сообщил Берт. – Они пролетают над городом, рассыпают с крыльев золотую пыльцу, и это знак для будущих участниц. Они выходят из домов и следуют на главную городскую площадь.

Итак, нам нужны были птицы, которых мы должны были присыпать пыльцой и заставить лететь над городом. Я представила, как мы с Петровой ловим голубей, пудрим их, и они потом летят куда угодно, только не туда, куда требуется. Впрочем, Петрову эта задача не заставила переживать.

– Голубей мне отец пришлет, у него двоюродная сестра кума разводит. Лана, пыльцу тогда надо в Бонбурге заказать, они хорошо делают. И помнишь артефактора, которому мы организовывали именины? Купим у него какую-нибудь вещицу, чтобы задавала им курс. Он сказал, что всегда рад нам помочь.

Берт посмотрел на Петрову с уважением. Ему понравилась та решительность, с которой она взялась за дело.

– Что ж, – сказала я, делая пометки в блокноте: написать в Бонбург и Микелю-артефактору. – Одну проблему решили. Что дальше?

Участниц отбора должно быть шесть – это девицы из той земли, где живет дракон, благородного происхождения и с достойным образованием. Мы с Петровой переглянулись: похоже, таких девиц нам придется завозить.

– Достойное образование это что? – уточнила я, задумчиво почесав кончик носа. День был не самым жарким, но мне было душно и постоянно хотелось пить – наверно, от волнения.

– Университет. С поправкой на здешнюю обстановку, сойдет колледж, – ответил Берт. Мы с Петровой снова переглянулись. Про университет, где мы получили учительское образование, лучше было помалкивать. В отборе нам все равно не победить, потому что принц никогда не возьмет в жены полукровок, так что незачем тратить время, силы и нервы.

– Знаете, у нас всего четыре девицы закончили колледж, – объяснила я. – Сами видите – провинция, простые нравы. Считается, что девушке надо думать не о науках, а о том, как радовать мужа и вести хозяйство.

Берт вздохнул и покачал головой.

– Значит, надо где-то взять еще двоих. Есть кто-то на примете?

Я неопределенно пожала плечами.

– У нас технический колледж, девушки туда идут только в поисках жениха, и после первой сессии, сразу замуж, вот и все образование. Но директор должен мне услугу, – ответила я. – Спрошу его, может, он выдаст дипломы паре девушек... понарошку, разумеется. Они потом сойдут на первом же этапе.

Берт вздохнул и потянулся к графину с минеральной водой. Эжен сейчас ел лосося в пикантном соусе в компании бургомистра, а его друг решал проблему, которую принц уронил ему на голову с небрежностью гадящей птички.

– Если король узнает, что на отборе невест для его младшего сына будут девки с фальшивыми дипломами, то нам конец, – признался Берт, и мы с Петровой сказали хором:

– Он не узнает.

– Да, придумал Эжен проблему для всех нас, – покачал головой Берт. Мы втроем были похожи на заговорщиков, которые обсуждают революцию в своем секретном штабе. – Ладно,

давайте дальше. Все девушки должны быть облачены в голубые шелковые платья. Прическу украшают мелкие санвинские лилии, знак королевского дома.

Прически и платья были самым легким делом – у нас была отличная швея на примете, которая регулярно выписывала столичные модные журналы, ездила в другие города на курсы и дополнительные занятия, и за неделю приготовила бы роскошные наряды. Цветы надо было заказывать, но Петрова знала отличного поставщика, который только что работал на свадьбе почтмейстера и обещал нам скидку на следующий заказ.

– Предварительный этап отбора невест – это представление девушек городу. Они выходят на городскую площадь, лишенные любой одежды и украшенные венками санвинских лилий, проходят мимо горожан и скрываются в церкви, – сообщил Берт. – Это символизирует их чистоту, невинность и верность Господу и королю.

Мы с Петровой снова переглянулись.

– Микка Куттинен закончила колледж, и она первая красавица Тансворта, – сказала я. – Но если папаша Куттинен узнает, что его дочка должна пройти перед всеми горожанами в чем мать родила, то он убьет и нас, и принца.

Петрова кивнула.

– Убьет, – подтвердила она. – Я таких кулачищ и у орков не видела.

Вид Берта сделался несчастным. Было видно, что этот отбор невест ему нужен примерно так же, как рыбе – перочинный ножик.

– Такова традиция, – устало произнес он. – Отступление даже в малом – это королевский гнев.

– Так! – кажется, я поняла, что надо делать. – На них не должно быть платьев, верно? Это как в сказке: «приди ко мне не голая, не одетая, не пешком, не на лошади»?

Берт кивнул, и в его глазах мелькнул интерес. Я вспомнила, что о нем рассказывали сплетницы: дракон из не самого знатного и богатого рода, он с детства состоял кем-то вроде слуги принца Эжена. Стоило его высочеству напроказить или провиниться, и Берта нещадно пороли. Принц, жалевший и любивший друга, невольно стал послушным – впрочем, когда они выросли, это послушание быстро подошло к концу.

– Отлично! – довольно воскликнула я. – Мы сделаем для этого выхода платья из лилий! Нагота будет прикрыта, а традиция соблюдена.

Берт вздохнул с облегчением.

– Мне нравится ваша решительность, девушки, – признался он. – Я даже начинаю верить, что мы со всем справимся.

Проводив Берта, который выписал нам чек на организационные расходы, мы с Петровой сели писать письма для моментальной почты. Очень удобно: приходишь с конвертом в отделение, кладешь его в специальный ящик на артефакте, и через несколько мгновений он появляется в том отделении, к которому приписан адресат.

– Есть ли у тебя какая-нибудь вещица, способная задать курс голубям, – диктовала самой себе Петрова. – Интересно, как они в столице-то это делают?

Я неопределенно пожала плечами. Если наши с Петровой сверстницы посвятили юность любовным романам и узнаванию новостей из высшего света, то мы сидели за учебниками. Счастливое замужество нам не светило, а в жизни надо было устраиваться.

– Это же столица, – ответила я. – Там маги, артефакторы... а у нас ни того, ни другого. Ведро да доска, вот и все достопримечательности.

– Знал король-батюшка, куда ссылать сына, – сказала Петрова, запечатывая конверт. – Тут тоска смертная, поневоле пить начнешь, ну он и сопьется, и всем от этого спокойнее.

– Теперь-то нет. Теперь всем одни проблемы.

Вот что бы ему не проехать мимо мясной лавки? Так нет же, там сидел Бекон, изображая сироту, а мимо него в такой момент даже сказочный Лишень Бессердечный не пройдет, не раскрыв кошелек для покупки котлеты.

– Так, насчет голубей сейчас отцу напишу, – Петрова придвинула к себе очередной лист бумаги и конверт. – Слушай, сходи пока в колледж? Там уже каникулы, но господин Анвин наверняка на месте. И вот еще что, бутылку захвати, да получше. Он любит бренди.

Я согласно кивнула и пошла к одному из шкафчиков. В плане бутылок у нас недостатка не было: наши счастливые клиенты по провинциальной привычке дарили нам горячительные презенты и конфеты. Конфеты мы съедали, спиртное ставили в шкаф – как правило, оно пригождалось для налаживания отношений там, где еще не ступала наша нога.

Выбрав для Анвина дорогой бренди в изящной стеклянной таре, похожей на большой бриллиант, я отправилась в колледж. Несмотря на всю провинциальность нашего городка, это место впечатляло – старинное здание раньше принадлежало купеческому роду и было построено по последней архитектурной моде позапрошлого столетия – с балконами, колоннами, статуями и вензелями. На улице было жарко, но, войдя в здание, я вздохнула с облегчением: здесь царил свежая прохлада. Умели же раньше строить дома, в которых при любой погоде хорошо!

Несмотря на каникулы, на первом этаже толпился народ – студенты угрюмо смотрели на дверь аудитории, к которой был пришпилен лист с надписью: «Внимание! Идет передача у второго курса!» Внезапно дверь открылась, и из нее веером полетели зачетные книжки, выброшенные гневной преподавательской рукой. Студенты издали дружный стон, а я решила задержаться и посмотреть: соскучилась по вольной студенческой жизни и захотела на нее полюбоваться.

– Ну господин Шато! – хором простонали студенты. – Ну пожалуйста! Ну пятый раз же!

– Па-а-ашли вон! – с видимым удовольствием протянул преподаватель, который высунулся из кабинета. Было видно, что студенческая братия внушает ему искреннюю ненависть. – Мерзавцы! Вон, и чтоб я вас не видел больше!

Я посмотрела и узнала этого господина Шато: он был каким-то родственником почтмейстера и вчера проводил время на свадьбе, выкушивая одну рюмку хлебного вина за другой. Так, тогда получается, что сейчас ему дурно, хочется повторения банкета и полного отсутствия студенческой братии рядом...

– Кажется, я знаю, как решить вашу проблему! – звонко сообщила я. Все обернулось в мою сторону, я подняла бумажный пакет, который держала в руках, и в нем настолько соблазнительно булькнуло, что свирепые глаза господина Шато засверкали так, словно в них разлились лужицы теплого масла.

– Как думаете, это сгладит их глупость? – поинтересовалась я, подошла к кабинету и протянула пакет преподавателю. Шато издал стон страдающего грешника, схватил пакет и негромко рыкнул:

– Барахло свое соберите, сейчас подпишу. Всем «удовлетворительно» – и вон отсюда, да тихо!

Студенты переглянулись, не веря в свою удачу, и трижды прокричали «Ура!» громким шепотом. Когда они собрали разбросанные зачетные книжки и передали их Шато, я уперла руки в бока, скептическим взглядом окинула молодых людей и решила: сойдут.

– Так, молодежь! – решительно сказала я. – Как думаете меня благодарить за мою доброту?

Студенты замерли, и на их лицах появилась тяжкая дума и непривычная умственная работа. Неудивительно, что Шато на них орал: редкостные дурни ведь, живут в провинции, а не знают, что надо заядлому выпивохе на следующий день после праздника.

Вот что бы они делали, если бы я не пришла?

– А что нужно? – поинтересовался один из студентов. Судя по значку на лацкане сюртучка, он был старостой, а судя по некоторой зелени лица, был на малую часть орком. – Мы все можем. Ну там таскать, катить, все такое...

Я согласно кивнула.

– Будете работать на меня и госпожу Амин этим летом, – заявила я. – В Тансворте начнется отбор невест для принца Эжена, трудовые руки нам тут очень пригодятся.

Студенты приуныли. Бесплатный физический труд никто не любит, даже если этот труд – плата за свое спасение от шестой пересдачи.

– Не дрейфь, молодежь! – ободрила я. – Мы вам даже заплатим. Но шуршать придется много и быстро.

– Согласны! – дружным хором прогудели студенты, почуяв запах купюр, и я отпустила их на волю до лучших времен, придержав старосту за рукав.

– Как тебя зовут?

– Бархен.

Ага, имя орочье, я не ошиблась.

– Сходи-ка, Бархен, к госпоже Гутте, – велела я. – Скажи, что мы с Петровой ждем ее в нашей конторе через час, будет много швейной работы с хорошей зарплатой.

Бархен кивнул, всем своим видом выражая готовность к услугам. Вовремя же я пришла в колледж! Кажется, всей группе светило отчисление.

– Все понял, госпожа Лана, – откликнулся староста. – Разрешите выполнять?

Я разрешила – и, когда Бархен убежал, отправилась в кабинет директора. С пустыми руками – но делать было нечего.

Анвин был занят бумагами – стопки листков и папок были такими, что из-за них едва виднелась директорская плешь в окружении клокастых рыжих волос. Я постучала по открытой двери, широко улыбнулась и сказала:

– Добрый день, господин Анвин! Как работа на ниве образования?

Анвин со вздохом выпрямился, вышел из-за стола и ответил:

– Ну как в сказке: я иду встречать скотину, а Господь мне вас послал. Здравствуйте, госпожа Лана! Неужели передумали?

Когда мы с Петровой приехали в Тансворт, Анвин обрадовался так, словно мы были его богатенькой родней. Две девушки с высшим педагогическим образованием в городе, где поход в книжный магазин у многих ассоциируется с колдовством! Он так хотел, чтобы мы работали в его колледже, что несколько раз присылал нам письма с довольно заманчивой зарплатой – но мы с Петровой отказывались, прекрасно понимая, что такое работа в системе образования: скукота и маета.

В итоге Анвин принял наш отказ, мы с ним остались друзьями, но пару раз в год он все же повторял свое предложение.

– Не могу вас обрадовать, господин Анвин, – вздохнула я, усаживаясь в кресло. – Что за скотину вы встречаете?

– А! – директор махнул рукой. – По мою душу едет инспектор из министерства. И ладно бы кто знакомый, так это будет Венсен! Мало того, что он сунет нос во все дыры, так еще и не пьет! И барашков в бумажке не берет!

Барашками в бумажках в Тансворте называли взятки – это была давняя священная традиция, и человек, который отказывался от барашков, вызывал ужас, близкий к суеверному. Нет, друзья, к такому лучше спиной не поворачиваться, может, он и людей ест, всего можно ожидать. Я не удивлялась тому, что Анвин был так взволнован.

– Ну, господин Анвин, бодрее! Уверена, у вас в колледже дела обстоят просто прекрасно! – воскликнула я. – Ремонт свеж, студенты сдали сессию...

– Свеж-то он свеж, – угрюмо сообщил Анвин, – но там сами понимаете, не обошлось без деталей. Плюс доплаты преподавателям не сочетаются с учебной нагрузкой.

Я понимающе кивнула. Финансовые нестыковки – судя по осунувшемуся лицу директора такие, что он может слететь со своего кресла вверх ногами. Впрочем, ничего удивительного. Обстановка в его кабинете роскошью не уступала министерской. Дом, который Анвин отстроил в центре города, тоже возводился не на зарплату – да и дочерей он выдал замуж с хорошим приданым. Жизнь была складной и ладной, а тут вдруг ревизор. Будешь переживать и рвать волосы.

– Буду краткой, господин Анвин, – сказала я. – Мне нужно два фальшивых диплома для участниц отбора невест для принца Эжена. Выдайте их мне, и мы с Петровой придумаем, как справиться с вашим страшным Венсеном.

Анвин посмотрел на меня так, словно я бредила. Фальшивые дипломы, отбор невест для драконьего принца – это и правда было слишком.

– Дипломы-то зачем? – наконец, поинтересовался Анвин, и я поняла: дело в шляпе.

– Видите ли, в отборе могут участвовать только девушки с образованием. Шесть. У нас в городе таких всего четыре, значит, надо еще две, – снисходительно объяснила я. – Соглашайтесь, господин Анвин! Даете дипломы – и этот Венсен будет есть у вас с рук!

Анвин задумчиво прошел по кабинету туда-сюда. Было видно, что ему хочется согласиться – и в то же время что-то мешало сказать мне «да». Возможно, он боялся, что вся наша беседа – крупная подстава, и страшный Венсен сидит где-нибудь в засаде, чтобы выпрыгнуть на него с громким криком «Ага! Попался!»

– Интересно, как драконы обходятся с этим в столице, – поинтересовался Анвин. – Там ведь намного больше образованных девушек, и все хотят участвовать в отборе невест для принца.

– Думаю, там все решено еще до начала отбора, – предположила я. – Так что? Согласны? Анвин устало вздохнул и махнул рукой.

– Согласен. Есть тут пара девиц, их родители должны мне, так что прошу долги, ладно. Все будет официально, со всеми ведомостями, словно они и правда отучились. Но вы уверены, что справитесь с Венсеном?

– Уверена, – беспечно ответила я. – И не таких встречали. Есть его дагерротип?

Анвин кивнул, сунулся в ящик стола и протянул мне карточку. С черно-белого снимка на меня смотрел угрюмый молодой человек с таким желчным выражением лица, словно он всю жизнь прожил с зубной болью во рту и с геморроем в седалище. Он чем-то показался мне знаком, словно я когда-то встречала его, но успела забыть обстоятельства нашей встречи. Судя по костюму, выдававшему лучшие виды, Венсен жил в честной бедности и не пытался из нее выбраться.

Ладно. Придумаем что-нибудь.

– Хорошо! – невозмутимо сказала я. – Когда он приезжает?

Анвин устало вздохнул, прошел к шкафчику и вынул бутылку такого бренди, рядом с которым мой скромный дар выглядел бы нищенским. Мда, неплохо живет господин директор, неудивительно, что так боится за свое кресло.

– Он уже приехал, – уныло сообщил Анвин. – С ним случилась неприятность, попал под лошадь возле почты... сейчас лежит в гостинице, но уже сообщил, что завтра придет на инспекцию.

– Значит, попал под лошадь, и она отделалась легким испугом, – я задумчиво постучала пальцами по подлокотнику кресла. – Что вы о нем знаете? Ведь наводили справки?

– Разумеется, – кивнул Анвин. – Знаете, чем он занимается на досуге? Пишет стихи! Их, правда, не издают, но он все равно пишет...

– Это же замечательно! – воскликнула я. – Господин Анвин, нам повезло! Ваш инспектор у нас в кармане!

Глава 2

Через четверть часа я была на почте. По дороге я заглянула в книжный магазин и нашла старый журнал «Литературный современник» – там были стихи страшного инспектора Венсена, и их раскритиковали так, что невольно делалось жарко. Да, пожалуй, тут будешь рвать и метать. Впрочем, стихи-то там были даже хуже тех, которые писал наш городской дьячок:

Вырос в поле колосок,

Вырос с заду волосок,

Все в природе связано,

Людям все показано.

Народная поэзия во всей красе – но у дьячка было складно и в рифму, а у Венсена нет. С нашим злобным миром я давно не дружу.

Но муза все равно приходит ко мне в ночную пору.

И против самого себя я перед окном сажусь,

И пишу все, что мне сейчас приходит в голову.

Могучая лирика, правда? Не для средних умов.

Придя на почту, я села возле ящичков для моментальной передачи писем и написала на тонком листке казенной почтовой бумаги:

«Анри, мне срочно нужна твоя помощь. Надо опубликовать стихи Венсена, он графоман и позорище со стороны лирики, но я за это щедро заплачу. Умоляю, ответь, что ты согласен, я жду твое письмо».

Я не знала, сколько мне предстоит ждать – но оно того стоило. Анри Жен-Валер был нашим с Петровой соседом по студенческому общежитию. После окончания курса он пошел не в педагогику, а в журналистику, и через несколько лет уже был главным редактором очень приличного журнала «Мой современник», где помимо всего прочего печатались и стихи. Мы были друзьями и, расставаясь после выпускного, обещали всегда помогать друг другу, если потребуется помощь. С тех пор прошло шесть лет, мы переписывались, и я надеялась, что Анри мне не откажет.

Спустя полчаса, когда почтмейстер, охая и вздыхая после вчерашнего, недовольно посоветовал мне пойти погулять и не мозолить ему глаза, пришел ответ от Анри. Я разорвала конверт и прочла:

«Лана! Ты знаешь, я готов на все ради нашей дружбы, но стихи Венсена – это не то «все», что я могу для тебя сделать. Он ужасен и как поэт, и как человек, и меня проклянут все коллеги – а заодно еще и наплюют. Впрочем, сто золотых крон могут тебе помочь. Высылай чек, а я вышлю для него приглашение. Передашь?»

Я вздохнула с облегчением, выписала чек, на все лады восхваляя щедрость Берта и принца, которые не сэкономили на спичках, и через час у меня уже было приглашение на официальном бланке журнала: господину поэту предлагали опубликовать его стихи в «Современнике» и обещали гонорар. Я подозревала, что оплатила большую часть – ну да ладно. Мне нужны девушки с дипломами, господину Анвину – отсутствие инспекции, а Венсену – слава на все королевство.

В Тансворте всего одна гостиница, и по провинциальным меркам она весьма неплоха. Хозяин, эльф-полукровка Гвердивен, в свое время побывал и на севере, и на юге, повидал волю, неволю и всяческие виды, выстроил гостиницу по примерам отелей крупных городов, так что его заведение не вызывало горячего желания убежать неведомо куда и навсегда забыть об увиденном. Я зашла в просторный холл, где царил свежая прохлада и едва уловимый запах перегара от кого-то из гостей, приблизилась к стойке регистратора и поинтересовалась, в каком номере поселился инспектор Венсен. Регистратор, орк-полукровка, устало оттянул воротник белой рубашки и ответил вопросом на вопрос:

– Вам он зачем?

– У меня есть дело к господину инспектору, – сдержанно ответила я, и регистратор безразлично скривился:

– Знаем мы его дело, уже три шлюхи сменились... – он хотел было добавить что-то еще, не менее интересное, но в холле появился Гвердивен, а я была с ним знакома. Он широко улыбнулся, не менее широко раскинул руки, словно хотел заключить меня в объятия, и звонко заявил:

– Лана, дорогая! Как я рад!

Регистратор понял, что я не из девочек по вызову, и с прежним угрюмым видом занялся своими тетрадами. Мы с Гвердивеном обнялись, и он поинтересовался:

– Как дела? Как родители?

– Все в порядке, – с улыбкой ответила я. Вот что значит иметь эльфов в родне – это неожиданно может пригодиться. – Отец недавно написал, что они с мамой собираются к морю.

Гвердивен покивал: дескать, замечательно, чудесно – и мы прошли к широкой лестнице на второй этаж. Лестница была совершенно столичная, а вот слово, нацарапанное на перилах, было по-провинциальному крепким.

– Мне нужен Венсен, – сказала я. – В каком он номере?

Гвердивен выразительно завел глаза к потолку.

– В двенадцатом. Осторожнее с ним, дорогая Лана, он очень много выпил и заказал еще одну девицу. Кричит, что кругом мерзавцы, которые не ценят его талант, и он всем покажет, – он вздохнул и добавил: – Почти показал в окно, хорошо, что девка оттащила.

– Вот что хлебное вино делает, – покачала головой я. – Не волнуйся, он сейчас уедет.

Гвердивен вновь издал усталый вздох.

– Хорошо бы! Удачи, дорогая Лана!

Поднявшись на второй этаж, я постучала в дверь двенадцатого номера. Какое-то время было тихо, потом послышалась возня, дверь распахнулась, и инспектор Венсен предстал предо мной, в чем мать родила.

Я посмотрела, вспомнила поговорку о том, что таким обрезом можно только насмешить, и спросила:

– Вы инспектор Венсен?

Инспектор икнул, и я пожалела, что здесь нет дагерротипической камеры. Один щелчок – и инспекторская карьера была бы разрушена навсегда. Впрочем, я очень добрая девушка – поэтому и сказала:

– Прикройтесь. У меня к вам деловое предложение.

Мой тон мог произвести впечатление – Венсен прошел в номер и быстро набросил халат. Я прошла по комнате – да, сбитый лошадьё изволил знатно покутить. Присев в кресло, я продемонстрировала Венсену письмо Анри и, дождавшись, когда его лицо примет бледный и совершенно трезвый вид, отчетливо проговорила:

– Я оплатила вашу публикацию в «Современнике». Понимаете, что это значит?

Директор Анвин был знатный жадина во всем, что не касалось его капиталов – ему даже в голову не пришло предложить Венсену то, что было для него дороже любых взяток. Вот и

сейчас по нему было видно: он смотрел на то, чего его душа страстно желала уже много лет и не могла добиться. У Венсена даже руки затряслись – он смотрел на приглашение с эмблемой «Современника» и, кажется, готов был упасть в обморок. Венсен потянулся было к приглашению, но я отдернула листок бумаги и с улыбкой сказала:

– Получите его, если инспекция колледжа Тансворта пройдет успешно. Вы подписываете все бумаги... даже не заглядывая туда – а я передаю вам приглашение, и в новом номере журнала будет напечатана ваша большая подборка.

– Шантажистка! – прошипел Венсен. В его глазах светилась ярость – он ненавидел во мне всех, кто когда-либо критиковал и разносил его, я стояла на его дороге к славе и не хотела отойти в сторону просто так, из почтения его несуществующего таланта.

Впрочем, талант всегда в себе сомневается. Это только посредственность вроде Венсена уверена в своей гениальности.

– Вы согласны? – спросила я.

Венсен кивнул и взял свой саквояж с документами.

В четыре часа пополудни мы наконец-то заказали обед – картофельные ломтики с беконом и соусом и зеленый салат – и уселись в маленьком дворике позади нашей конторы. Я люблю это место: зеленый садик, тихий и спокойный, мирное место – можно думать, о чем захочется, отдыхать, мечтать...

Но мы с Петровой не мечтали. Мы работали.

– Так, что у нас есть, – сказала я, придвигая к себе записную книжку. – Насчет голубей и пыльцы договорились. Все девушки будут с образованием – директор Анвин поет и пляшет, что инспекция завершилась без вреда, – я задумчиво постучала кончиком ручки по носу и вздохнула: – Нет, все-таки надо будет вытребовать у него эти сто золотых крон. Я читала вирши этого Венсена и видела его стручок. У меня травма.

Петрова расхохоталась и отправила в клыкастый рот очередную партию картофеля с беконом.

– Досадно, – согласилась она. – Мы с тобой и так редко это все видим, а тут стручок.

Какое-то время мы молча переживали о нашей женской доле. Да, у нас бывали необременительные романчики, но слишком редко, чтобы становиться чем-то серьезным. Наши уха-жеры не хотели жениться – иногда мы с Петровой даже задумывались, что же им надо. Наверно, молчаливых и спокойных жен, а не работающих и независимых. Когда у жены свои деньги, которые она заработала своим трудом, то она уже не потерпит, чтобы ей приказывали и распоряжались. Как говорит один знаменитый доктор-мозговед, который живет в столице и берет по десять крон за консультацию, для женщины крайне важно иметь собственный ресурс.

Мы с Петровой были с этим согласны.

– А еще у нас есть целый отряд студентов, которые будут на нас работать, – продолжала я, – в благодарность за спасение их седалищ от шестой передачи.

– Да, тут один забегал уже. Бархен, – сообщила Петрова. – Поинтересовался, почему у меня такая странная фамилия, не орочья.

У орков принято так: имя ребенку выбирает отец, фамилию дает мать.

– Я его отправляла к Гутте, – сообщила я и, прикинув время, подумала, что Гутта просто внаглую опаздывает. Деньги, что ли, не нужны?

– Да, он сказал, что ходил к ней, но мастерская заперта. Обещал заглянуть еще разок.

Так. Швейная мастерская заперта – и это летом, когда все барышни шьют новые платья, блузы и юбки. Кажется, у нас начинались проблемы. Нет, так-то в Тансворте многие умеют шить, но нам был нужен профессионал, а не человек, который способен пошить блузку, неотличимую от брюк. Гутта смогла бы сшить цветочные платья – а другие не смогут, и, кажется, у нас начинались проблемы.

Почти сразу же послышался звон колокольчика на двери в нашу контору. Петрова поднялась и зычным рыком сообщила, что мы на заднем дворе. Вскоре я увидела запыхавшегося Бархена – было ясно, что парень подошел к своей работе на нас со всем возможным старанием: он выглядел таким усталым, словно за весь день не присел.

– Что случилось? – спросила я. Петрова придвинула к нему коробку с картошкой и беконом, но Бархену, кажется, было не до еды.

– У госпожи Гутты забрали ребенка, – выдохнул он. – Мастерская снова была закрыта, так я добежал до ее дома. Вижу – двери нараспашку, все нараспашку, соседи режут, сама госпожа Гутта поперек порога лежит, рыдает. Доктор там рядом с ней бегаёт, а она подняться не может.

– Кто забрал ребенка? – оторопело спросила Петрова. – Как?

Я вздохнула, кажется, понимая, откуда дует ветер. Гутта приехала в Тансворт из Восточных пустошей – там она была замужем, развелась, но муж продолжал строить ей козни, и она уехала. Похоже, сегодня он все-таки умудрился ей нагадить.

– Полиция забрала, – ответил Бархен. – Вместе с опекой. Дескать, поступил сигнал, что госпожа Гутта бьет маленького Пауля, ну его и увезли до выяснения.

– Да не бьет она его! – возмущенно воскликнула Петрова. Она решительно поднялась из-за стола, словно зеленая гора, и было ясно, что Петрова готова ехать в опеку и возвращать парнишку матери. – Он свалился с забора, полез туда за кошкой, я сама видела! Лана, пойдем!

Втроем мы вышли на улицу, и я подумала, что день еще не кончился, а у нас уже было столько приключений, сколько и за месяц не наберется. Мы организуем отбор невест, я спасла студентов от пересдачи, а директора Анвина от тюрьмы по итогам инспекции, и умудрилась сделать так, что нахального графоманишку напечатает один из ведущих журналов страны. А теперь мы шли спасать ребенка лучшей городской швеи, а день еще не закончился, и в нем может быть еще много всякого.

Полицейский участок располагался чуть в стороне от центральной площади и был похож не на оплот порядка, а на магазинчик средней руки или библиотеку. Маленький беленький дом с резными деревянными ставнями, утопавший в зелени сада – кто бы мог подумать, что вот за этим окном сидит шеф Балетти, который разговаривает только рыком и матом? Мы вошли и первым делом увидели Пауля – он сидел в приемной, заливаясь слезами. Перед ним гарцевал немолодой господин – он настолько старался выглядеть приличным и порядочным, что сразу же становилось ясно: перед нами первостатейная сволочь. Он показывал Паулю то леденец на палочке, то деревянную лошадку, но мальчик не прекращал плакать.

– Кажется, папаша, – негромко пробормотала Петрова. Я согласно кивнула и звонко спросила:

– Шеф Балетти! К вам можно?

Открылась дверь, из нее высунулась красная физиономия, украшенная носом-картошкой, густыми бакенбардами и лохматыми усищами, и шеф прорычал:

– Что надо, так и перетак?

– Мы работодатели госпожи Гутты, – сухим официальным тоном сообщила Петрова. – Пришли узнать, что случилось.

Шеф фыркнул, буркнул и выдвинулся из кабинета – темно-синий полицейский мундир едва не трескался на его заботливо откормленном брюхе. Пауль перестал плакать – теперь он испуганно всхлипывал, отворачиваясь от родителя. Я шепотом приказала Бархену бежать, разыскать господина Берта и привести сюда, а шеф прогудел:

– Работодатели? Какую, интересно, вы ей даёте работу?

Отец Пауля подбоченился и добавил:

– Она не работает! Шитье это не работа, а первейшая бабья радость. А раз не работает, то пусть ребенка отдаёт! Отец всяко лучше за ним присмотрит.

– Не надо меня отдавать! – запищал Пауль, размазывая слезы по лицу. – Мамочка!

– Мы организуем отбор невест для принца Эжена, – Петрова по-прежнему говорила спокойно, но я чувствовала, что в ней все так и звенит от гнева, и она готова устроить скандал и разнести участок, если потребуется. – Госпожа Гутта получила большой заказ на пошив платьев для невест его высочества. Вы понимаете, шеф, какое мероприятие сейчас срывается?

– Государственное! – поддакнула я. – Колоссальной значимости для всего королевства и Тансворта в частности.

Шеф закричал. Заложил руки за спину, пожевал губами. Мне показалось, что карман его мундира подозрительно оттопыривается: кажется, туда сунули оплату за то, что он отнял ребенка у матери и передал отцу, который представления не имеет, что нужно сыну.

– И я не понимаю еще одну вещь, шеф, – добавила я и припечатала: – Неужели вы хотите отдать ребенка убийце?

В полицейском участке воцарилась густая тишина. Петрова оторопело посмотрела на меня, шеф удивленно снял и надел фуражку, кто-то из офицеров высунулся из дверей одного из кабинетов, но тут же убрался подальше от греха. Папаша Пауля даже икнул от удивления. Губешки Пауля задрожали, и он залился слезами.

– Мамочка! – простонал мальчик. – Хочу к маме! Мама!

– То есть, как это «убийце?» – оторопело проговорил шеф и бывший муж Гутты визгливым голосом воскликнул:

– Какого дьявола ты смеешь меня обвинять? Я отец ребенка! Я заберу его обратно в Пустоши от этой безработной шлюхи!

– Отец, который не знает, что у мальчика аллергия на сладкое? – приторно-медовым тоном осведомилась я, оценивающе глядя на папашу Пауля. – Или наоборот, он слишком хорошо знает, что сахар вызывает у Пауля отек горла?

В участке снова стало тихо. Петрова едва слышно пробормотала что-то на орочьем, удивленно глядя на меня и не понимая, вру ли я на лету или же говорю правду. Я не врала. Гутта как-то упомянула, что Паулю нельзя ни крошки сладкого, но его отец, который не интересовался ни сыном, ни его здоровьем, об этом, разумеется, не знал – или же прекрасно знал, но ему было все равно. Он хотел лишь нагадить бывшей жене.

– Дать ребенку леденец, который доведет его до смерти, – отчеканила я. – Но до этого успеть забрать его из Тансворта, чтобы причинить лишние мучения матери – а потом обвинить ее в гибели мальчика. У нас ведь женщины всегда во всем виноваты, а не отцы-молодцы. Шеф, вы действительно решили отдать Пауля этому человеку, или я как-то неправильно все поняла?

Я говорила и поражалась своей наглости. У меня не было ни веса, ни влияния в Тансворте. Я просто работала организаторшей праздников, и у меня была наглость и громкий голос. Лицо шефа побагровело еще сильнее, и папаша Пауля проворно спрятал леденец за спину, а Пауль заревел, свалился со скамьи и принялся кататься в истерике по полу приемной.

– Да помогите же ему! – беспомощно воскликнул шеф. – Вы ведь женщины, сделайте что-нибудь!

Было видно, что он окончательно растерялся. Да, детский рев иногда мог творить чудеса: у мужчин опускались руки, и они готовы были на все, лишь бы он прекратился.

– А мы здесь при чем? – беспечно осведомилась Петрова. – У мальчика есть отец, пусть он и займется ребенком. А мы посмотрим, как он справляется. Наверно, намного лучше, чем плохая мать, да?

Тем временем, дверь участка открылась, и в приемную вошла Гутта – заплаканная, с потемневшим от горя лицом. Доктор Хорни вел ее под руку – было видно, что потеря сына сокрушила и растоптала ее, и Гутта с трудом держится на ногах. Увидев, что Пауль валяется на полу, Гутта бросилась к нему, прижала к себе мальчика, ласково приговаривая что-то бессмысленное и тихое, и Пауль тотчас же умолк, прижавшись к матери. Я представила, как поли-

цейские отрывали его от Гутты, чтобы забрать из родного дома, и мои кулаки непроизвольно сжались.

– Странно, правда, шеф? – спросила я самым медовым тоном из всех возможных. – С якобы хорошим отцом ребенок бьется в истерике и рыдает от страха, а с якобы плохой матерью у него все хорошо.

– И этот якобы хороший отец не знает, что нужно его сыну, что ему можно и нельзя, – поддержала меня Петрова. – И сует ему сладость, которая его убьет.

Гутта медленно поднялась с пола – теперь ее лицо наполняла решительность и гнев, настолько сильный, что мне показалось, что в воздухе засверкали молнии.

– Сладость?! – громким свистящим шепотом поинтересовалась она. – Ты давал ему сладости, мерзавец?!

Я подошла к шефу, тихонько протянула ему несколько золотых крон и негромко сказала:

– Шеф, ну вы и сами видите, что произошла трагическая ошибка. Отпустите мать и ребенка, не усугубляйте. У нас много работы, шеф. Очень много, правда.

– Совершенно верно, – услышала я ледяной голос Берта. Он вошел в полицейский участок, и все мы вытянулись в струнку, как и полагается человечешкам перед драконом. Над головой Берта кружилось облако искр, он выглядел настолько грозным и властным, что я невольно залюбовалась им. Впрочем, я почти сразу же дала себе мысленную оплеуху: не время ронять слюни от восторга, у нас полно проблем.

Берт прошел к оторопевшей от изумления Гутте, взял ее под локоть и добавил:

– Эта женщина работает на его высочество Эжена. Я забираю ее и ребенка именем его величества и надеюсь, что вы их больше не потревожите.

Шеф икнул. Он и подумать не мог, что отец-герой, прикативший забирать ненужного ребенка, принесет ему столько проблем. Только дурак встанет на пути дракона – а шеф никогда не был дураком.

– Конечно, ваша милость! – кланяясь, воскликнул он. – Разумеется, ваша милость, забирайте! Чем-то сможем пригодиться, ваша милость, только намекните!

Папаша Пауля побелел – он готов был сражаться с испуганной женщиной, но никак не с драконом. Из дверей кабинетов выглянули офицеры – увидев дракона, они тоже вытянулись в струнку с тем лихим и придурковатым видом, который так убажует взгляд сурового начальства. Я решила, что нам нужно убираться отсюда, и чем скорее, тем лучше, и потянула Петрову к дверям.

Когда мы оказались на улице, то Гутта просто взяла Берта за руку и прижала ее к губам. Было видно, что она вымотана настолько, что даже плакать не может. Берт со вздохом освободил свою руку, дотронулся до ее плеча и сказал:

– Давайте решим, что вы должны сделать. А потом я подумаю, как вас нужно спасти.

Гутта не сразу смогла разжать руки и выпустить Пауля из объятий – но постепенно ей удалось успокоиться, она уложила мальчика спать и пришла к нам. Мы с Петровой и Бертом сидели в крошечной гостиной домика швеи, и мне казалось, что дракону в ней тесно. Сейчас, когда мы были вынуждены ждать, я могла его рассматривать – да, он был красив. Не такой идеальный красавец, как принц Эжен, разумеется: черты его лица были слишком тяжелы, словно невидимый скульптор небрежно вырубил их из мрамора – но за ними чувствовалась та сила и достоинство, которые способны затмить любую красоту.

Конечно, рядом с принцем он выглядел, как гусенок возле лебедя. Но сейчас принца здесь не было.

Наконец, Гутта вернулась, вытирая слезы. Она села в кресло и какое-то время молчала, словно никак не могла прийти в себя. Берт дружески улыбнулся и произнес:

– Я уже велел приставить охрану к вашему дому. Если этот человек хочет испортить вам жизнь, Гутта, то я уверен, что он не сдастся просто так, сразу.

Гутта вздохнула. Маленькая, бледная, с растрепанной светлой косой, она была похожа на мотылька.

– Он всегда говорил, что я от него не убегу, – призналась Гутта. – Что он меня везде достанет. Господи, помоги нам, я так сегодня испугалась...

Петрова накапала в стакан успокоительного, которое дал доктор Хорни, и протянула Гутте.

– Все будет хорошо, – заверила она. – Мы на твоей стороне, принц Эжен и господин Берг тоже. Никто вас с Паулем теперь не тронет, а если захочет, мы ему быстро клыки пообломаем.

Во взгляде Гутты снова сверкнули слезы. Я невольно подумала о том, что было бы, если бы принц Эжен сегодня не пожалел Бекона и не захотел устроить-таки отбор невест. Возможно, маленький Пауль успел бы съесть отцовских сладостей, и все кончилось бы очень плохо.

– Спасибо вам, девочки, – прошептала Гутта. – Спасибо, ваша милость. Так я не поняла, что там с отбором невест?

– Принц Эжен решил жениться, – ответила я. – Нам нужна лучшая швея, которая сошьет уникальные платья для участниц отбора.

Гутта растерянно посмотрела на меня так, словно не могла взять в толк, о чем это я болтаю.

– Лучшая швея? Отбор невест?

– Ты нужна нам, Гутта, – серьезно сказала я. Мои слова прозвучали довольно пафосно, но я подумала, что сейчас это к месту. – Перво-наперво нам потребуются шесть платьев, полностью сшитых из санвинских лилий.

Гутта нахмурилась, потом поднялась и вышла из гостиной, чтобы вернуться с толстой растрепанной тетрадью и карандашом. По ее лицу было ясно: Гутта взяла себя в руки, работа началась. Мы с Петровой вздохнули с облегчением.

– Санвинские лилии очень тонкие и нежные, – сказала Гутта. Сейчас, глядя на выражение ее лица, я понимала, почему она стала лучшей швеей в городе и окрестностях – Гутта стремилась работать и делать свое дело как можно лучше. – Да, допустим, их можно как-то скрепить между собой. Придется это делать прямо на девушках. Но вот представьте: они выйдут на улицу, залитую солнцем, эти лилии увянут, и то, что они должны скрывать, будет открыто.

Мы дружно согласились, что ничего хорошего из этого не получится.

– Предлагаю сделать эти лилии из шелка, – продолжала Гутта. – Так их намного проще сшить, они не упадут, не завянут и никуда не денутся. Кстати, почему именно лилии?

– Вообще девушки должны идти обнаженными, – сообщил Берг, – но мне уже сказали, что в этих краях дело может закончиться побоищем.

Гутта неопределенно пожала плечами.

– А если лилии вставить в прически, а в качестве одежды использовать бабочек? Я видела такое на модном показе в Кесадине. Это бабочки сорта фаула, они сидели на девушках, раскрыв крылья. Кожа была смазана кремом на основе ювинского меда, бабочки от него засыпают. Удивительно смотрится!

Берт мягко усмехнулся, представив девушек в бабочках, и я заметила, что ему очень идет улыбка. Сейчас он словно бы смягчился, отстранив свою официальность – из-под брони вечного спутника принца выглянул кто-то живой, настоящий.

– А еще лучше – комбинировать шелковые лилии и бабочек! – предложила Гутта, и ее глаза наполнились энергичным блеском. – Будет изящно, воздушно и очень прилично!

На том и порешили. Берг вынул из кармана чековую книжку и поинтересовался:

– Сколько будут стоить такие платья?

– Бабочек я закажу в Кесадине. Шесть платьев – шесть коробок, – принялась за подсчеты Гутта. – Шелковые лилии куплю на Южном провале. Плюс моя работа... Впрочем, ладно, за то, что вы сегодня спасли меня и Паульхена от этого негодяя Ферна, эти платья я пошью бесплатно. Итого двести сорок золотых крон, ваша милость.

Берт задумчиво крутил карандаш в руках, и я понимала, о чем он думает: провинциальный отбор невест для принца грозит оказаться дороже, чем они с Эженом ожидали. Впрочем, он все-таки выписал чек, протянул его Гутте и спросил:

– Хотите, пугну еще этого вашего Ферна? Пролечу над ним в драконьем облике и выстрелю пламенем?

– Не стоит, ваша милость, он и без того уже напрудил от страха, – ответила Гутта. – Еще раз спасибо за вашу доброту. И вам, девочки, тоже. Если бы не вы, Паульхен уже съел бы тот леденец...

Она вздохнула, быстро дотронулась до щеки, стирая сбежавшую слезинку. Я и представить боялась, что чувствовала Гутта, когда у нее отбирали мальчика с полицией. Просто потому, что папаша вдруг вспомнил, что у него есть сын.

– Вас с ним никто не обидит, – произнес Берт. – Заказывайте бабочек и лилии. Девушек на примерку вам приведут завтра.

– А его величество уже знает об отборе?

После разговора с Гуттой Петрова отправилась с ней на почту заказывать необходимое, а мы с Бертом пошли в сторону нашей конторы. Мы с Петровой живем там в большой квартире на втором этаже, очень удобно. Все можно делать, не отходя от кассы.

– Разумеется. Я сразу же отправил ему письмо. Моя задача – делать так, чтобы неприятные сюрпризы не перерастали во что-то большее.

Я понимающе кивнула. Друг принца был еще и соглядатаем – Впрочем, ничего удивительного. Принц Эжен из тех, за кем нужно постоянно присматривать, это мы уже поняли.

– И что он сказал? Разозлился?

Берт усмехнулся, и я поймала себя на мысли о том, что давно ни с кем вот так запросто не гуляла. Был вечер, мы брели по тихой улице, откуда-то издали доносилась музыка – в парке играл оркестр. Прохожие косились в нашу сторону с интересом, и я впервые подумала, что, должно быть, действительно безобразна, раз в их взглядах, направленных на Берта, столько сочувствия.

Теперь главное вести себя спокойно. Не тарашиться на дракона, как дурак на пряник, а быть вежливой и непринужденной и повторять: у нас только деловые отношения, не более того – не надо думать, что Берт мужчина, он всего лишь помогает организовать и провести отбор невест, не надо разбивать себе сердце напрасными надеждами на то, чего никогда не случится...

– Разумеется. Государь планировал однажды вернуть Эжена и женить его на одобренной особе, – ответил Берт. – Но он сказал, что его младший сын уже совершеннолетний и способен сам выбрать свою судьбу и дорогу. Понимаете, что это значит.

– Отбор невест состоится, – ответила я. – Но Эжен никогда не вернется в столицу. Он останется в Тансворте.

Во взгляде Берта появился искренний интерес – похоже, я оказалась умнее, чем он ожидал.

– Верно, – Берт скользнул взглядом по пестрой афишке местного театра, усмехнулся чему-то своему и спросил: – Вам нравится ваша работа?

Я рассмеялась. Пожалела о том, что у меня нет с собой кружевного зонтика – я могла бы его вертеть в руках и хихикать, как это делают все барышни, когда джентльмены задают им вопросы.

Но я не барышня. Я совладелица конторы по организации праздников, и сегодня у меня было больше приключений, чем за всю прошлую неделю.

– Она приносит интересные знакомства и подвиги, – ответила я. – А у вас есть какое-нибудь занятие?

Берт улыбнулся – и ему очень шла улыбка, она словно бы озаряла скуластое лицо изнутри, делая его мягким и живым. «Даже не думай на него тарашиться», – приказала я себе.

– Сейчас это помощь вам в организации отбора невест. А так... дружба с его высочеством во многом и есть работа.

– А увлечения? – поинтересовалась я, понимая, что спрашиваю много лишнего, и Берт вполне может ответить, что это не мое дело.

– Только не смейтесь, – сказал он. – Живопись.

Надо же! Он сидит за мольбертом и создает пейзажи, натюрморты и батальные сцены!

– Что обычно пишете? – любопытствовала я, и Берт посмотрел на меня так, словно я вновь умудрилась его удивить.

– Надо же! Вы правильно назвали мое занятие, – одобрительно произнес он. – Почему-то все говорят, что художники рисуют – а они пишут.

– Когда я училась в университете, то у меня был знакомый художник, – ответила я, решив, что лучше не вдаваться в детали того, чем завершилось наше знакомство – ничем хорошим, и не стоит ворошить прошлое. – Так что я в определенном смысле в курсе.

Берт задумчиво покачал головой. Мы свернули в Цветочный переулок: еще немного, и дорога приведет нас к конторе, и эта странная, но такая хорошая прогулка закончится и больше не повторится – мне сделалось так грустно, что даже в носу защипало.

К чему это все? Я не романтическая барышня, а глумливая хозяйка конторы по организации праздников – но сейчас во мне все звенело, как в юности, и я не знала, к добру это или нет.

– Вы меня удивляете, Лана, – признался Берт. – Очаровательная девушка с университетским образованием в этой глуши, которая работает с проведением праздников. Что с вами случилось?

Очаровательная девушка? Кажется, он говорил о ком-то другом. В мире, где красавицами считаются блондинки или рыжие с бледнокожими лицами сердечком, я с моими каштановыми волосами, темными глазами и носом с горбинкой никогда не буду ни красивой, ни очаровательной.

– Вы мне бессовестно льстите, Берт, – улыбнулась я. Свести все в шутку и закончить, наконец, эту прогулку, чтобы не дразнить себя тем, чего не может случиться. – Или вы просто слишком вежливы.

Берт не успел ответить – с противоположной стороны тротуара нам махнула Джен Суон, и я подумала, что ее-то как раз и надо называть очаровательной. Тоненькая, легкая, похожая на сказочную фею с золотыми волосами с легкой рыжинкой и удивительными темно-синими глазами – к этой красоте прилагался еще и острый незаурядный ум, но только ее родители считали, что Джен нужно не образование, а выгодное замужество, и присматривались к обеспеченным женихам Тансворта и окрестностей. Они даже не разрешили ей поступить в колледж: дескать, слишком образованная жена никому не нужна.

– Лана! – я невольно заметила, что Джен выглядит взволнованной. – Лана, мне надо с тобой поговорить!

Кажется, я даже поняла, о чем речь. Джен подошла к нам и после приветствий, представлений и раскланиваний отвела меня в сторону и спросила:

– Это правда, что ты выбила из Анвина два диплома?

Да уж, шила в мешке не утаить, тем более, такого шила. Я кивнула.

– Да, выбила. Хочешь один? Но тогда придется участвовать в отборе невест.

Глаза Джен сверкнули так энергично, что мне невольно представилась не светская барышня в модном голубом платье, а пиратка, которая карабкается по веревочной лестнице с саблей в руках. В Джен была глубина души и ума – та, которую упорно не хотели замечать ее родные.

– Лана, милая, пожалуйста! – взмолилась Джен едва слышным шепотом. – Сто дьяволов с этим отбором, я буду участвовать и проиграю! Но мне нужен этот диплом. Я сама изучила всю программу, – Джен посмотрела по сторонам, чтобы убедиться, что нас не подслушивают, и Берт тотчас же сделал вид, что исключительно заинтересован курицей, которая бродила в траве за одним из соседских заборов. – Когда у меня будет диплом, я смогу отсюда уехать. И начать новую жизнь.

Я знала, что Джен завидует нам с Петровой – мы учились, имели профессию и могли жить самостоятельно, а ей пришлось бы во всем полагаться на будущего мужа, и это было Джен словно нож поперек горла. Она, конечно, притворялась послушной дочерью, но иногда это получалось плохо, и весь Тансворт слышал, как отец распекает ее после категорического отказа очередному жениху.

– Договорились, – кивнула я. – Завтра с утра иду к Анвину, будет тебе диплом. Но ты уверена, что проиграешь?

Джен улыбнулась, и мне снова померещилась пиратка. Не знаю, почему.

– Обязательно проиграю, – ответила она. – Можешь даже не сомневаться!

Глава 3

На следующий день весь город гудел, ревел и громыхал. Я заглянула к Анвину поздно вечером, и он, раскланиваясь и благодаря меня на все лады, выписал диплом для Джен и Кейт Смиссон.

– Невероятно! – восклицал директор. – Вы просто чудо сотворили, я уже готовился... а, неважно, к чему. Дай вам бог здоровья, денег и мужа хорошего!

Я согласно кивнула и на всякий случай уточнила – а то мало ли, что, людскую благодарность тоже надо контролировать и проверять:

– Данные в документы внесете? Нам нужны официальные дипломы, а не просто бумажки.

– Обязательно, – кивнул Анвин. – С принцами шутки плохи, а нам с вами еще работать и работать. Чует мое сердце, это не последняя инспекция.

А наутро колледж был похож на осажденный замок: вокруг него стояла толпа девиц, их родителей, тетюшек и дядюшек, и просто сочувствующих – все кричали, шумели и требовали у Анвина дипломов для дочек.

Отбор невест для драконьего принца – нешуточное дело. Я еще удивилась тому, что они вчера не сбежались. Родители тех девушек, которые успели получить дипломы честным путем, держались в стороне, сопровождая каждое движение осаждающих ехидными репликами. Основное их содержание сводилось к тому, что надо надеяться не только на те сокровища, которыми дочерей одарила природа, но и самим что-то в них вкладывать, например, образование.

Никогда не узнаешь, в какой момент на тебя свалится драконий принц, но к этому надо быть готовой.

Девушки, которым предстояло участвовать в отборе невест для принца Эжена, получили свои приглашения ранним утром – ночью мы с Петровой отпечатали их в местной типографии, передвинув выпуск «Тансвортского листка» на обед. Сейчас они были у Гутты – швея снимала мерки, а мы с Петровой занимались первым этапом отбора.

Итак, у нас было шесть участниц.

Джен Суон, умница и бунтарка: почему-то я была уверена, что принц обратит внимание именно на нее.

Кейт Смиссон, ростом выше Петровой и с легким заиканием: она хотела стать учительницей, но боялась, что дети будут над ней смеяться, так что получила профессию секретаря и сидела за печатной машинкой в городском банке.

Микка Куттинен, признанная самой красивой девушкой Тансворта: она работала в отцовской пекарне и оставалась тонкой и звонкой на удивление всего города.

Вера Хайсс, рыжая пышечка, похожая на суслика. Ее считали ведьмой, потому что она перечитала все книги в городской библиотеке.

Эва Вейс-Мор, завсегдатай модных лавочек, где можно было тратить отцовские денежки – ее родитель был заместителем бургомистра.

Линда Фрай-Анвер, белокурая бестия, которая мечтала выйти замуж за принца еще в колыбели.

– Амин, – сказала я, выходя из конторы и глядя в список участниц. – Кажется, мы пропали.

Бекон, который сидел на ступенях, угрюмо муркнул и посмотрел на нас так, словно в жизни не видел таких бесовестных женщин. Конечно, весь день и всю ночь где-то носились и утром куда-то побежали, а бедный котик, сиротинушка, с голоду умирает. Мы ему не поверили: чуть в стороне лежала задушенная мышь, так что до голодной смерти было еще далеко, а там и мясная лавка откроется.

– Ничего, не пропадем, – решительно ответила Петрова. – Представляешь, что будет потом, после отбора? Мы с тобой проводили одно из важнейших мероприятий королевской семьи! Что это значит?

– Что нам, дурам, просто повезло.

– Нет! Что мы можем ехать в столицу и работать там! И свадьбы устраивать не почтмейстеру, а министру! И корпоративные праздники не для учителей в колледже, а для членов правительства! Представляешь, какие там деньги? Какие там связи?

Петрова была воодушевлена, и меня это радовало. Мы с ней всегда так работали: она воспаряла в небеса с идеями и восторгом, а я придерживала ее, не позволяя совсем уж улететь туда, где были проблемы и непредвиденные расходы. Проходя мимо колледжа, где Анвин пытался разогнать толпу горожан, охочих до диплома без захода в образование, мы задержались было посмотреть и посмеяться, но тут одна из девушек заметила нас и закричала:

– Мамочка, это они! Это они организуют отбор!

Ее мамочка, женщина колоссального роста и идеальной фигуры в геометрическом плане, решительно развернулась в нашу сторону, и Петрова лучезарно улыбнулась и сказала:

– Бежим!

И мы подхватили юбки и рванули с места так, как не бегали даже в школе, когда у нас были спортивные занятия. Девушки и их родители бросились за нами: уламывать, уговаривать, упрашивать, угрожать – словом, делать все, что угодно, лишь бы мы протащили на отбор их обожаемых дочек.

«А ведь догонят!» – поняла я, когда мы выбежали на главную городскую площадь, обогнули ратушу и погнали мимо парковой ограды. Петрова тоже стала сдавать, и было ясно, что живыми нас не отпустят.

В ту же минуту я поняла, что бегу как-то странно: ноги болтаются в воздухе, а земля почему-то отдаляется и уходит куда-то вниз. Рядом со мной дергалась Петрова, бормоча себе под нос орочи ругательства, над нами хлопали паруса, воздух гудел и грохотал, и, захлебываясь от бескрайнего детского восторга, я чувствовала что-то холодное, кажется, металлическое – оно изогнулось за моей шеей, подцепив меня за воротник.

– Дракон! – заорала Петрова. – Это дракон!

Я задрала голову и прямо над собой увидела зеленую пластинчатую броню драконьего брюха. Кто это? Принц Эжен или Берт?

Дракон сделал круг над городом, заставляя нас с Петровой визжать от радости, и принялся медленно спускаться над садами Алейны – холмом, на котором стояла старинная усадьба. Раньше она была наполовину заброшена, только сторож ходил у забора, да уборщица приходила смести грязь с дорожек да помыть окна, но принц Эжен, свалившись в наши края, решил, что сады Алейны прекрасно подойдут для его резиденции, сделал быстрый ремонт и начал жить.

Земля, которая казалась зеленым ковром с рассыпанными игрушками, приблизилась, гравий дорожки ударил в ступни, и дракон осторожно поставил нас на ноги. Мы с Петровой схватились за руки, чтобы не упасть: от волнения у меня кружилась голова, а ноги сделались ватными. В небе холодно; я только сейчас поняла, как мы замерзли.

Все во мне кричало и пело. Полет был похож на праздник, на яркий сказочный сон, который неожиданно оказался правдой. Это ведь можно – подниматься в небо, лететь, ловить потоки ветра. Это бывает – парить над миром, знать, что весь он принадлежит тебе, любить, быть любимым и счастливым своей любовью.

Дракон с тяжелой грациозностью опустился на дорогу к усадьбе, его окутало золотой дымкой, и вскоре мы увидели Берта.

– Ох, вы спасли нас! – воскликнула Петрова. – Если бы не вы, нас бы уже затоптали!

– Да, я так и подумал, – кивнул Берт и едва заметно улыбнулся. Улыбка согрела мне сердце сильнее, чем я могла бы позволить. – Но ничего, это скоро уляжется. Видели бы вы, какие взятки предлагают организаторам отборов в столице!

Петрова мечтательно улыбнулась, словно представила сумму и мысленно потратила ее до последнего гроша.

– А у вас будет отбор невест? – спросила я. Все жители королевства давно женятся просто так, по велению сердца или устремлениям к выгоде, и только драконы устраивали отборы, которые постепенно превращались в яркое шоу, неизменно привлекающее любопытных.

Берт отрицательно мотнул головой.

– Пока я не думал об этом, – признался он, всем своим видом показывая, что мне не стоит совать свой нос не в свое дело. – Список невест при вас?

Я сунулась в поясную сумочку, радуясь, что она крепко пристегнута, а то искали бы мои записки в поднебесье – вынула нужный листок и протянула Берту. Тот скользнул по нему взглядом и заинтересовался:

– Джен это та девушка, которая подошла к нам вчера, верно?

Я кивнула, и Берт сообщил:

– Отметьте себе, что она будет фавориткой отбора. Эжену нравятся такие решительные особы.

Стоило вспомнить про Эжена, как одно из окон усадьбы отворилось, и мы услышали голос принца:

– Друзья, что вы там топчетесь? Пора завтракать!

– Вот это правильно! – одобрила Петрова. – А то у нас в животах с утра ничего, кроме вдохновения!

И мы пошли к усадьбе – изящному белостенному дому с колоннами, балкончиками и большими окнами в духе Первой империи. Неудивительно, что принц решил здесь поселиться: усадьба была одним из самых красивых мест в Тансворте и окрестностях. Слуги в темно-синих сюртуках открыли перед нами двери и проводили в столовую – по пути я увидела, как другие слуги вешают на стену гостиной морской пейзаж, и спросила:

– Это ваша картина, Берт?

Пейзаж мне понравился – море на нем было таким живым, что, казалось, могло в любую минуту выплеснуться из рамы и окатить нас соленой волной. Берт сдержанно кивнул, словно советовал мне не развивать тему.

В столовой уже был накрыт завтрак, обильный и по-провинциальному сытный. Была здесь яичница, печеные грибы, фасоль в красном и белом соусе, сардельки с гриля, бекон – как видно, принц любил как следует поесть. Нас усадили за стол, и Эжен дружески заинтересовался:

– Как вы, милые барышни? Вы выглядите бледными.

– За ними бежали родители городских красавиц, – ответил Берт, придвигая к себе сардельки, и я невольно задумалась, сколько же должен есть дракон, чтобы потом махать крыльями. Да и магия обращения наверняка требует сил... – Пришлось немедленно прийти на выручку.

– Да, красавицы, точно! – воскликнул Эжен. – Как идет подготовка к отбору?

На мгновение мне показалось, что он успел забыть о том, что вчера решил жениться и подложить свинью венценосному родителю. Впрочем, нет: принцы никогда и ничего не забывают, это я знала точно. Такова их природа.

– Платья заказали, голубей и артефакты тоже, – ответила Петрова. – Шесть участниц, прекрасные девы с достойным образованием, сейчас на примерке у лучшей городской портнихи. Приглашения получили ранним утром.

Принц одобрительно посмотрел на нас. Кажется, он не ожидал, что дело будет идти так быстро.

– Прекрасно, просто прекрасно! – довольно заявил он, и Эжен добавил:

– Я уже знаю, кто будет фавориткой отбора. Девушка исключительно мила и полностью в твоём вкусе. Раз уж коротать жизнь в этих скучных краях, то надо это делать с тем, от кого тебя не тошнит.

Эжен понимающе кивнул и спросил:

– Как её зовут?

– Джен, – ответила я. – Но она не хочет выигрывать. Ей просто нужен был диплом, чтобы уехать из Тансворта и начать новую жизнь.

Только сказав об этом, я подумала, что теперь пришла моя очередь подкладывать кому-то свинью. Хочешь раззадорить мужчину, который не сомневается в своей неотразимости? Скажи, что он тебя ни капельки не интересуется. Эжен удивленно посмотрел на меня, собираясь задать вопросом, насколько обнаглели здешние девицы, что воротят нос от принца, но в это время в гостиную вбежал ещё один слуга и с искренним испугом выпалил:

– Ваше высочество! Беда!

Мы все удивленно обернулись к нему – слуга провел ладонью по лбу и сообщил:

– Ваша виверна... сбежала. Сбежала и несется к городу.

Эжен провел по губам салфеткой, поднялся из-за стола и сообщил:

– Отлично, господа! Все так, как и должно быть!

– Виверна! Виверна-а-а!

Принц Эжен и Берт обратились в драконов и рванули в сторону Тансворта, а мы с Петровой помчались по дорожке своим ходом. Вбегая на одну из городских улочек, я ещё подумала, зачем мы это делаем – я боялась виверн, никогда не умела найти к ним подход, а тут вот здравствуйте, бросилась посмотреть, чем кончится дело. Запыхавшаяся Петрова, кажется, задавалась тем же вопросом.

А потом мы услышали тоскливый полукрик-полустон и застыли на мостовой. Кто-то бежал мимо нас, кто-то кричал, хлопали двери магазинов и кафе, люди прятались, пытались спастись, и чья-то рука схватила было меня за рукав, потянула в сторону и выпустила – надо было позаботиться о собственной жизни, а не о соседской. А впереди ревел и грохотал огонь и дымилось черно-зеленое и бесформенное.

– Зачем, интересно, принцу Эжену понадобилась эта виверна? – свистящим шепотом осведомилась Петрова. – Только не говори, что все дело в родственных чувствах.

– У него какой-то план... – таким же шепотом ответила я. – Но какой?

Мы машинально схватились за руки, и я подумала, что теперь-то нам точно пришел конец. Я вспомнила отцовского приятеля, который знал толк в вивернах. Он любил их, и они отвечали ему взаимностью – настолько, что однажды отцовский приятель отважился сунуться в пасть виверне, чтобы вынуть кость, застрявшую у нее в зубах. Та виверна была совсем ручной, она катала людей на спине и позволяла детям чесать себе брюхо, и то, что она захлопнула пасть и принялась рвать уже мертвого человека когтями и зубами, было страшным несчастным случаем.

Потом нам рассказали, что виверна плакала на бойне.

– Бегите! – прокричал Джон-Пухляк из пекарни, такой же белый, как его фартук, и замахал нам рукой. Его трясущийся помощник приоткрыл дверь, но мы с Петровой словно приросли. – Сюда, скорее! Спасайтесь!

Дым и огонь развеялись: в десятке шагов от нас воздвиглось огромное, черно-зеленое, со сверкающей лоснящейся шкурой. Сверкнули золотистые глаза, умные и злые, дрогнули ноздри. Виверна приблизила морду к Джен, лежавшей на земле, и втянула воздух.

Петрова ахнула и зажала рот ладонями.

Дрогнули крылья, складываясь по бокам. На одном было видно клеймо, молнию в круге: я знала, что это столичная ферма Эбenezера Клетуса. Виверна фыркнула. Я услышала странный звук и поняла, что это клацают мои зубы. Платье сделалось насквозь мокрым от пота, и я видела, что Джен, замерев, смотрит на виверну – она хотела закрыть глаза и не могла.

Да где же Эжен и Берт! Мы же не могли пешком обогнать драконов!

«Господи, – только и смогла подумать я, понимая, насколько бессмысленна моя молитва. – Пусть ей не будет больно. Пожа...»

– Прочь, тварь.

Голос принца Эжена, обычно спокойный и дружелюбный, звучал так, словно каждый звук выковали из металла. Виверна недовольно заворчала. Отцовский приятель когда-то говорил, что не стоит становиться между зверем и его добычей – и виверна удивленно посмотрела на хозяина, который почему-то прогонял ее от еды.

– Прочь, – голос прозвучал спокойно, почти лениво, но я почувствовала, какая огромная сила дымится за этим спокойствием. – Прочь отсюда.

Виверна вскинула голову к небу и издала такой рык, что в витринах магазинов зазвенели стекла. Паралич отпустил нас: мы с Петровой рухнули на мостовую, скорчились, зажимая ладонями уши. Рык нарастал, гремел, как тысяча колоколов, и, трясаясь от ужаса, мы увидели, как вокруг простертой ладони принца задымился белый свет.

Рев оборвался, как обрезанная нить. Виверна попятилась и заскулила. Белый свет сделался нестерпимо ярким, и виверна присела и оторвалась от земли, тяжело хлопая крыльями. Еще несколько мгновений, и зверь растаял в небе.

Над городом воцарилась тишина, настолько густая и глубокая, что когда Петрова заговорила, то мне показалось, что ее услышали все жители Тансворта:

– Господи, помилуй, теперь всем штаны сушить.

Эжен склонился к Джен, помогая ей подняться – Берт стоял чуть в стороне, не сводя глаз с принца, смотрел хмуро и сурово и, кажется, не одобрял этого. Мы с Петровой встали на ноги и вместе с остальными осмелевшими горожанами бросились к Джен и принцу. Тишина лопнула мыльным пузырем: все зашумели, заговорили, на все лады восхваляя его высочество, который прогнал хищную тварь одним движением руки и спас красавицу от неминуемой смерти. Джен опомнилась, провела ладонями по лицу и вздохнула; принц придержал ее под локти и спросил:

– Как вы себя чувствуете, прекрасная барышня?

Джен посмотрела на него так, словно не могла понять, что происходит. А я, кажется, поняла: виверну выпустили для того, чтобы его высочество смог проявить доблесть и силу. Возможно, это тоже часть отбора, о которой Берт не стал нам рассказывать – все должны трепыхаться от ужаса, а не зевать от предсказуемости.

– Благодарю вас, – прошептала Джен. – Все в порядке, ваше высочество, спасибо.

Петрова толкнула меня в бок. Принц смотрел на Джен, и его идеальной красоты лицо обретало какую-то легкомысленную глупость, делая принца похожим на деревенского дурачка. Все остальные тоже поняли, куда дует ветер, и над зеваками снова воцарилась тишина. Драконий принц влюбляется в провинциалку, которую собственноручно выхватил из пасти чудовища – такого и в театре не увидишь.

– Никакого отбора невест, – замороженно произнес Эжен. – Я женюсь на вас, прелестная барышня.

Глаза Джен гневно сверкнули. Сквозь толпу пробились родители Джен, услышали сказанное его высочеством, и матушка от радости стала заваливаться в обморок, а отец чуть не подпрыгнул.

– Замуж? – переспросила она. – Вот уж нет! Я никогда за вас не выйду!

С этими словами Джен решительно освободила свои руки и быстрым шагом двинулась прочь, оставив Эжена с ошарашенным видом. Ее мать тотчас же оклемалась и, дотронувшись до плеча несостоявшегося зятя, решительно произнесла:

– Выйдет, ваше высочество! Выйдет, конечно! Сейчас догоним!

– Она прекрасна! Нет, она в самом деле прекрасна!

Принц был взволнован. Он мерил гостиную усадьбы в садах Алейны быстрыми решительными шагами, и Берт негромко заметил, что никогда не видел своего друга в таком состоянии. Обычно, обуреваемые похожими чувствами, люди отправляются на войну и побеждают.

Я думала о том, что вчера примерно в это же время мы с Петровой сидели на скамеечке и смеялись над Беконем, который кланчил у прохожих еду. Жизнь наша была тихой, спокойной и мирной, и вот теперь пожалуйста – в ней есть драконы, виверны и принц, который решил жениться.

– Вы же ее не знаете, ваше высочество, – я понятия не имела, почему отговариваю Эжена от скоропостижной женитьбы, но чувствовала, что все делаю правильно. – Если я правильно понимаю, то отбор невест как раз и нужен для того, чтобы познакомиться с претендентками, понять, что они из себя представляют...

Эжен остановился, задумчиво почесал кончик носа, и я сразу же спросила, не давая ему опомниться:

– С виверной тоже все было спланировано? Часть отбора невест?

– О, разумеется! – воскликнул Эжен, и я подумала, что его величество был прав, когда отправил сына в нашу глухомань. Принц был добр, но взбалмошен и беспечен. Не лучшие качества для сына короля. – Перед началом отбора драконий принц должен проявить истинную доблесть. В былые времена драконы воевали, испепеляя вражеские армии, а я решил выпустить Пушинку.

– Пушинку? – переспросила Петрова. – Это так зовут вашу виверну?

– Да! – Эжен улыбнулся так, словно речь шла о какой-нибудь пушистой кошечке на диване. – Она такая славная, я ее научил показывать трюки. И к лотку приучилась в две недели, представляете, какая умница?

Да уж, ну и принц. Ему бы быть каким-нибудь провинциальным клерком или продавцом – тут бы он был на своем тихом месте. Но как вышло, так вышло, ничего уже не исправишь.

– Надо было нам сказать об этом, – нахмурилась Петрова. Когда орчанка хмурится, это действительно впечатляющее зрелище. – Ваше высочество, если мы организуем ваш отбор невест, то должны знать о таких вещах. Весь город перепугался! Представляете, что теперь с нами сделают? «Вы, дескать, были в курсе и никого не предупредили о том, что в Тансворт прилетит такая страсть!»

Эжен только рукой махнул. Берт, который сидел на диване рядом со мной, посмотрел на него со снисходительной усталостью.

– Ничего, все об этом забудут уже сегодня к вечеру, – произнес принц. – Что ж, тогда действуем по старому плану и делаем все, чтобы прекрасная Джен победила в отборе. Представляю лицо моего отца, когда он узнает, что отбор закончен, невеста выбрана, и я женюсь!

В этом было что-то очень детское – желание отморозить уши назло родителям. Должно быть, вся жизнь принца с его любовными приключениями, скандалами и конфликтами была лишь стремлением привлечь внимание отца. Что ж, у Эжена все получилось. Отец заметил его, ссылая из столицы, а потом – узнав об отборе.

И мы с Петровой умудрились в это влезть по самую маковку...

– Первый этап отбора – это загадки, – Берт вынул записную книжку, пошелестел страницами, переводя внимание на себя. – Лана, вы знаете какие-нибудь загадки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.